

А. С. Забоенкова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА

96

Анализируются изменения юридического статуса различных категорий надела в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. Показано, что введение института личной собственности (не идентичной частной) не означало ликвидацию собственности сельского общества на значительную часть наделной земли.

This article analyses the changes to the legal status of various categories of allotment during P.A. Stolypin's agrarian reform. It is shown that the introduction of the institution of personal property (which is not identical to private property) did not mean the elimination of rural community's ownership of a significant part of the allotment land.

Ключевые слова: правовой статус наделной земли, аграрная реформа, указ 9 ноября 1906 г., община, землеустройство.

Key words: legal status of allotment land, agrarian reform, edict of November 9, 1906, community, organization of land exploitation.

Об аграрной реформе П. А. Столыпина написано так много, что, кажется, вряд ли можно сказать о ней нечто новое. Однако состояние историографии говорит и о лакунах в ее изучении. Одна из них — анализ правовых аспектов реформы, которым пока уделяется мало внимания. Нормативные акты бесстрастно и с большей обнаженностью, чем многие другие источники, раскрывают намерения реформаторов, сильные и слабые стороны преобразований, помогают освободить их изучение от налета политической конъюнктурности и от сложившихся «мифов». В их числе — распространенное мнение о стремлении П. А. Столыпина насадить частную собственность на крестьянскую наделную землю, что едва ли можно признать при ближайшем рассмотрении законодательства того времени [13, с. 9]. Анализ изменений правового положения надела в ходе реформы важен и для оценки ее итогов.

Современные исследователи акцентируют внимание на комплексном характере аграрной реформы П. А. Столыпина, предусматривавшей широко задуманные перемены в жизни деревни. Хотя в основе реформы лежала смена отношений в сфере прав на наделную землю. В свое время М. С. Симонова определила ее как «буржуазную реформу крестьянского наделного землевладения» [16, с. 844 — 850]. Однако ли-

беральная, по сути, реформа имела немало консервативных примесей и была лишь началом преобразований правового статуса надельной земли, которым не суждено было завершиться.

В отличие от Европы в России частная земельная собственность оформилась только в XVIII в. Большую роль играло вмешательство государства в отношения собственности. В менталитете крестьян, приверженных принципам трудовой собственности и моральной экономики, не утвердилось отношение к собственности как к священному и свободному от каких бы то ни было посягательств праву личности. Другим их убеждением была неприкосновенность прав на надельную землю, полученную при отмене крепостного права, и ее защиту от притязаний других сословий. Крестьяне считали себя ее вечными пользователями [4, с. 198–199], что не могло не влиять на их восприятие столыпинской реформы, ломавшей устоявшиеся положения в этой сфере, и учитывалось при разработке законодательства.

Если в Европе землю наследовал старший сын, в России — все сыновья, по обычному праву. Рост населения и семейные разделы снизили обеспеченность наделом с 14,4 дес. на двор в 1861 г. до 11,1 дес. в 1905 г. Половина крестьян имела надел ниже прожиточного минимума [17, с. 62,79; 1, с. 57–58]. Надежда на дополнительную прирезку, подвигнувшая крестьян на массовые выступления накануне и в ходе революции 1905–1907 гг., была очень сильна. Сбросить со счетов мужицкий расчет было нельзя, так как крестьянство составляло большинство населения.

Официальная точка зрения базировалась на принципе неприкосновенности собственности. Виновницей претензий крестьян на новую прирезку, неэффективности хозяйства, популярности идеи уравнительного землепользования объявили общину. Реформа надельного землевладения должна была создать резервы развития деревни без дополнительного наделения землей и условия перераспределения надельного фонда среди крестьян путем вымывания из деревни тех, кто тяготился наделом.

Юридический статус надельных земель к началу XX в. претерпел изменения со времен отмены крепостного права. Положения от 19 февраля 1861 г. признали их собственником помещика [12, с.126], обременив обязанностью наделить землей бывших крепостных. Но землей в бессрочное пользование наделялось сельское общество, а не отдельные крестьяне. С введением в 1883 г. обязательного выкупа право собственности на надел повсеместно перешло к сельскому обществу и в общинных, и в подворных селениях. Хотя Положениями от 19 февраля крестьяне после перехода на выкуп уже именовались крестьянами-собственниками, юридически каждый из них в отдельности таковым не стал. Но и сельское общество, обремененное выкупным долгом перед правительством, полной собственности на землю не имело до отмены выкупных платежей с 1907 г.

Правовой статус общества как субъекта надельной собственности остался неопределенным. Одни трактовали его как юридическое лицо,

другие — как коллективного собственника земли [4, с. 339]. Общегражданское законодательство разделяло общества на две категории: владеющих землей на подворном и общинном праве, а термин «община» не употребляло. При подворном (наследственном) землепользовании право на переделы у общества отсутствовало, оно распоряжалось лишь мирской землей, в общинной же деревне производились переделы, существовала возможность раздела земли на постоянные участки [14, с. 14, 16–17]. Выдел земли к одному месту при досрочном выкупе разрешала ст. 12 Общего положения о крестьянах. Но она была «почти мертвой буквой» [4, с. 26].

К началу Столыпинской реформы из 12,3 млн наделных дворов 9,5 владели землей на общинном праве [18]. Они были расположены в 44 губерниях Европейской России [2, с. 570–572]. Общины делились на беспередельные и передельные. В первых переделов не было с отмены крепостного права, а землевладение фактически (но не юридически) мало отличалось от подворного. Во вторых, как правило, через 12 лет следовали общие переделы, а между ними — частные («свалки и навалки» душ). Вред общих севооборотов, принудительного трехполья, мелкополосицы, достигавшей 30–170 полос в каждом поле, был очевиден. Бесконечно дробить наделы в условиях роста населения было невозможно. Часть крестьян оставляла землю обществу и уходила в город. Доля беспередельных общин колебалась от 48 до 61,5 % [17, с. 171–172].

Еще в 80–90-х гг. правительство пыталось упорядочить наделное землевладение и затормозить его дробление. Право на выдел досрочно выкупленного надела было ограничено законом от 14 декабря 1893 г. [11, с. 653]. Семейные разделы запретил закон от 18 марта 1886 г. [10, с. 116–117], закон от 8 июня 1893 г. — частные переделы, а общие — ранее 12 лет [11, с. 425]. Современники заговорили о кризисе наделной системы. Он проявлялся в неспособности обеспечить благосостояние крестьян, в росте беспередельных общин, в невозможности интенсификации хозяйства при сохранении переделов. Кризис наделной системы имел и политический аспект: аграрное движение достигло пика в революцию. Опору на общину и сословную обособленность крестьян сменила идея индивидуализации их землевладения и уравнивания в правах с другими сословиями. Власть намеревалась создать в деревне новый социальный фундамент — крестьянина-собственника, резонно полагая, что, имея свою собственность, он научится уважать и чужую. Этот принцип был положен в основу реформы наделного землевладения, которое должно было в перспективе изменить юридический статус и подвергнуться перераспределению внутри крестьянства.

Указ от 9 ноября касался не только крестьян, владеющих землей на общинном праве, как это нередко молчаливо предполагается, но и подворной деревни. Если раньше собственником наделной земли было сельское общество, то указ предоставил следующие права: личной собственности крестьянам, имевшим землю в подворном владении, и укрепление в личную собственность участков земли при общинном вла-

дении. Она вводилась вместо семейной, существовавшей у крестьян по обычному праву [9, с. 380–385]. Таким образом делался шаг к сближению земельных прав крестьян с общегражданским законодательством империи. Личная надельная собственность, заменявшая коллективную собственность общества и семейную собственность двора, имела особый юридический статус и не обладала признаками частной собственности по двум основаниям. Во-первых, сохранилась сословная принадлежность надельной земли с присущими ей ограничениями. Во-вторых, укрепление в собственность было лишь юридической операцией. Ограничивалось право пользования, владения и распоряжения укрепленными участками до выдела [5, с. 111]. На принципиальные отличия личной собственности от частной обратил внимание С.Ю. Витте, выступая в Государственном совете [4, с. 535–539, 613–614]. Перевести надельную землю в категорию частновладельческой можно было лишь в одном случае: совместного разверстания надельной и вненадельной земли одного владельца при землеустройстве. Но такие отрубные владения по желанию домохозяина могли признаваться и надельными [9, с. 452].

Вещные права на разные категории надельной земли (усадебная, полевой надел, угодья) различались. Усадебная и участки постоянного пользования укреплялись в личную собственность в натуре, указ от 9 ноября не ограничил их лишь пашней, как иногда толкуется [7; 8]. Это могли быть и угодья (лес, луг и другое), если они были в индивидуальном пользовании. Но большинство угодий обычно переделялось на особых основаниях (например, по произведениям почвы) или вовсе не переделялось. Поскольку укрепление в них участков в натуре было невозможно, «укрепленцы» по указу сохраняли право пользования в неизменной доле в угодьях, переделяемых на особых основаниях, и право участия в пользовании на принятых в обществе основаниях в угодьях непеределываемых (ст. 1–5,7) [9, с. 380–382]. Это давало им дополнительные стимулы и удобства. Но какова юридическая природа этих прав?

Определяла право собственности как право пользования, владения и распоряжения, а право распоряжения признавала главной его частью ст. 420 законов гражданских [15, с. 37–38]. Дав «укрепленным» право пользования либо участия в пользовании угодьями, ст. 4–5 указа от 9 ноября и ст. 11–19 закона от 14 июня право распоряжения не упоминали вовсе [9, с. 381, 424–425]. Не обладая им, такие домохозяева отнюдь не могли считаться собственниками угодий. Следовательно, их собственником оставалось общество, в состав которого входили и те, кто укрепил землю. Однако право собственности общества на угодья по смыслу общегражданского законодательства теперь было неполным, так как оно ограничивалось «в пользовании, владении или распоряжении другими посторонними, также неполными на то же самое имущество правами» (ст. 423, 432 законов гражданских) [15, с. 38–39].

Как соотносилось право пользования такими угодьями с правом собственности на пахотные участки: были они связаны или независимы

друг от друга? Ответ дает толкование указа от 9 ноября 1906 г. и закона от 14 июня 1910 г. При укреплении в личную собственность участков постоянного пользования домохозяин мог укрепить и их излишки, доплатив обществу. Если бы право на угодья составляло неотъемлемую принадлежность права на пахотные участки, то при укреплении последних оно следовало бы их судьбе. Но доли в угодьях определялись без доплаты в размере действительного пользования независимо от пахотных земель.

Аналогичные правила действовали и при землеустройстве. Обязательному выделу подлежали только участки пашни. Угодья выделялись лишь при соответствующих заявлениях крестьян (ст. 29, 32, 35, 39 закона «О землеустройстве») [9, с. 457–460]. Таким образом, предусматривалась независимость угодий в отношении выдела. Некоторые общества вообще не имели угодий, переделываемых на общих основаниях. Для них допускалось укрепление неизменных долей в угодьях, особо переделываемых, признавалась самостоятельность этих прав и возможность распоряжения ими при отсутствии пахотных угодий [6, с. 224].

Поскольку право пользования в угодьях, переделываемых на особых основаниях, не зависело от права собственности на участки пашни, крестьяне могли свободно им распоряжаться. Этот вывод подтверждает и практика реформы. Десятки тысяч сделок касались отчуждения участков пашни отдельно от права пользования в угодьях или наоборот. Ряд юристов их правомерность с точки зрения общегражданских законов ставят под сомнение. Если бы такая позиция возобладала, это сократило бы размер мобилизации наделных земель.

Правительство понимало, что сохранение собственности общества на непахотные угодья препятствует индивидуализации крестьянского землевладения. Когда член Государственного совета В.П. Энгельгардт предлагал укреплять за домохозяином не отдельные полосы, а «право на известную долю в общем владении, как бы доленое участие» (как в угодьях), ему резонно возражал А.И. Лыкошин. Доленое укрепление было бы легче, но «правительство пошло по более трудному пути... из желания насадить в народе понятие частной собственности и постепенно свести разбросанные участки к одним местам... Самое неудобство владения мелкими полосами побуждает как общество, так и отдельных домохозяев стремиться к более совершенному виду владения — к отрубному или хуторскому», а «при укреплении одних долей этот стимул исчез бы и... самая цель закона не была бы достигнута». Даже осторожный консерватор А.С. Стишинский был против долевого укрепления. «Доленое участие не есть господство лица над вещью. Это есть участие в общей собственности» [4, с. 282–284].

Юридическая судьба угодий ставит вопрос о степени разрушения общины в ходе реформы. Угодья сохранялись в собственности общества, при том что отдельные крестьяне укрепляли в личную собственность участки пахотной земли. Это ставит под сомнение устоявшиеся данные о разрушении общины, которые учитывают только результаты укрепления наделов в собственность. Но вряд ли справедливо мнение о

трансформации передельческой общины в общину-марку, высказанное А. В. Островским [7, с. 169–172; 8; 3, с. 124–125].

Аграрная политика тех лет была нацелена на недопустимость излишних ограничений прав крестьян на распоряжение землей. Но правительство опасалось измельчания наделов, стремясь сохранить в пользовании всех крестьян угодья в размере, нужном для хозяйства. Законодателем двигал здоровый прагматизм, базирующийся на учете реальностей. Распространение права укрепления в натуре только на участки постоянного пользования объяснялось отнюдь не стремлением законодателя трансформировать общину, а, наоборот, готовностью облегчить ее разрушение. Творцы указа учитывали чрезвычайную сложность земельных отношений в деревне, недостаток угодий. Было невозможно сразу отменить коллективную собственность общества на различные категории земель, не запутывая устоявшийся рациональный порядок, который соблюдали поколения крестьян. Поэтому одни участки укреплялись в личную собственность домохозяев, а на другие они сохраняли лишь право пользования в неизменной доле, если она могла быть точно определена, или участия в пользовании на принятых в обществе основаниях. При этом права на угодья крестьяне могли отчуждать вместе с укрепленными в натуре участками либо отдельно и независимо от них.

По мере реализации реформы все острее требовался специальный закон о надельных землях, который убрал бы противоречия и пробелы в законодательстве. Внесенное во II Государственную думу Положение о крестьянском землевладении не было рассмотрено. После внесения в III Думу законопроект вернулся в министерство внутренних дел для доработки по просьбе П. А. Столыпина [9, с. 738–739].

Проект интересен для уточнения некоторых нюансов в правовом положении надельной земли. Она делилась на две категории: участкового и общинного владения. Указывалось, что они подчиняются действию общегражданских законов, но нет и намека на распространение на надельные земли норм частного землевладения. Все прежние ограничения на распоряжение ими сохранялись. Уточнялось правовое положение различных категорий надела. Все земли при участковом владении и усадьбы – при общинном составляли личную собственность домохозяев, а остальные – собственность общества. Судьба непахотных угодий при переходе к участковому владению целиком зависела от усмотрения общества, которое решало, распределить их полностью или частично, либо установить доли в пользовании. Земельные общества на надельных землях должны были заменить прежние сельские. По проекту все крестьяне, владеющие надельной землей как на общинном праве, так и на праве личной собственности, были названы членами земельного общества [9, с. 390–416].

Подведем итоги. Курс на индивидуализацию крестьянского землевладения вовсе не означал перевод надельных земель в категорию частновладельческих. Личная надельная собственность не идентична частной собственности. Термин «личная» означал лишь то, что она не является коллективной и семейной. Можно ли считать ликвидацией об-

щины прекращение передельческого механизма и введение института личной собственности? С правовой точки зрения ответ может быть отрицательным по двум основаниям. Сохранялось земельное общество, имевшее в собственности угодья и остальную мирскую землю. В него входили и крестьяне, привычно именуемые вышедшими из общины, хотя они сохраняли общинное землепользование. Известный российский цивилист, член Государственного совета А.В. Сергеевич заметил по этому поводу: «Кто укрепляет за собой землю, тот назван выходящим из общины. Это удивительное недоразумение» [4, с. 869]. И фактически, и юридически общинный порядок прекращался для них лишь с разверстанием селения на хутора со сведением всех угодий, а не только пахотных, к одним местам. Такая возможность существовала далеко не везде из-за природных условий, малоземелья и традиционной привычки русских крестьян жить в деревне. Именно поэтому среди участков хозяйств преобладали отруба.

Община оказалась очень живучим организмом. Путь к индивидуализации крестьянского землевладения не мог быть коротким. История отпустила для него всего десять лет. В ходе реализации Декрета о земле община возродилась и поглотила тех, кто из нее недавно вышел.

Список источников и литературы

1. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6.
2. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.
3. Жидков Г.П., Забоенкова А.С. К оценке характера столыпинского указа 9 ноября 1906 года // Северо-Запад в аграрной истории России : сб. науч. тр. Калининград, 1984.
4. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении (Первоначальные предположения правительства по означенному предмету, извлеченные из работ Государственной думы и рассмотрение дела в Государственном совете). СПб., 1911.
5. Наказ землеустроительным комиссиям с приложением узаконений и распоряжений, относящихся к землеустройству сельского населения, последовавших в 1906 году. СПб., 1907.
6. Некоторые вопросы, связанные с законом о выходе из общины // Известия Земского отдела. 1916. №8.
7. Островский А.В. О характере указа 9 ноября 1906 года // Вопросы истории. 1983. №11.
8. Островский А.В. Научные заметки. О характере указа 9 ноября 1906 года URL: <http://library.by/portalus/modules/different/readme.php> (дата обращения: 25.01.2013).
9. Столыпин П.А. Программа реформ : документы и материалы: в 2 т. М., 2003. Т. 1.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Третье. СПб., 1888. Том 6: 1886 г.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Третье. СПб., 1897. Том 13: 1893 г.
12. Российское законодательство X—XX вв. М., 1989. Т. 7: Законодательство крестьянской реформы.

13. Румянцев Ф. П. Особенности правового обеспечения Столыпинской и современной аграрной реформы в России : автореф. дис. канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004.

14. Свод законов Российской империи. Особое приложение к девятому тому. Положения о сельском состоянии. СПб., 1912.

15. Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 10: Свод законов гражданских.

16. Симонова М. С. Столыпинская аграрная реформа // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т.13.

17. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

18. Страницы истории. URL: http://storyo.ru/hist_gos_prav2/01_28.htm (дата обращения: 06.04.2012).

Об авторе

Алла Станиславовна Забоенкова – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail:allastaza@pochta.ru

About the author

Dr Alla Zaboenkova, Ass. Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail:allastaza@pochta.ru